

Тао Лин был застигнут врасплох. Он почувствовал в своей ладони что-то твердое и небольшое. Он сжал неизвестный объект, и рефлекторно, сам того не желая, зацепил кончики пальцев Вэнь Циньина.

Тот какой-то миг вообще на это не реагировал, а потом убрал руку.

Тао Лин опустил голову. Воспользовавшись тем, что свет из магазина падал на тротуар, где они стояли, он взглянул на свою ладонь. К его удивлению, на ней лежала мармеладка.

Он слегка скривил рот и, посмотрев на золотую обертку, спросил:

- Что за взрослый человек, который носит с собой конфеты? Это чтобы порадовать детишек или для твоей девушки?

Однако Вэнь Циньин просто опустил глаза и посмотрел на него. Молча, как и всегда.

Тао Лин сжал конфету и поднял голову, чтобы взглянуть в лицо Вэнь Циньину.

На лице молодого человека держалось спокойное выражение. На грани соприкосновения света и тьмы Тао Лину вдруг на ум пришла старая клишированная фраза.

Черты лица, будто искусно вырезанные из мрамора, подумал он.

Множество старомодных выражений, которые были равнодушно забыты людьми, несомненно, говорили правду. Тао Лин не понимал, почему они существуют до сих пор только потому, что раньше не попадал в подобные ситуации.

Вэнь Циньин, не имея ни малейшего представления, о чем думал Тао Лин, показал ему экран своего телефона. Там было написано: «Конфета поможет вам немного протрезветь после выпивки».

Тао Лин улыбнулся, проскользнул позади него и двинулся напрямую к цветочному магазину.

- Могу я войти и присесть? - он остановился у двери, и только тогда к нему подошел Вэнь Циньин.

Когда они вошли внутрь, Вэнь Циньин выдвинул из-за стола стул и жестом пригласил Тао Лина присесть. Затем он взял чашку, помыл ее в раковине позади, повернулся, налил теплой воды для Тао Лина и начал убираться, чтобы закрыть магазин попозже.

Свежесрезанные цветы он принес в магазин снаружи первыми. После того, как все ведра

встали рядом друг с другом, следующими должны были пойти цветочные горшки.

Поначалу Тао Лин не чувствовал головокружения, но побочные эффекты начали проявляться уже после того, как он сел. Он выпил полчашки воды и остался сидеть за столом, наблюдая, как Вэнь Циньин работает. Тао Лин не собирался ни встать, ни помочь ему.

Не прошло и нескольких минут, как весь магазин оказался забит множеством прекрасных цветов, свободной осталась лишь узкая дорожка посередине. Из-за этого казалось, будто длинный меч бессмертного нанес удар с небесной высоты и прорубил путь, разбивая волны моря цветов.

Вэнь Циньин был высоким, но не грузным. Всю его фигуру, казалось, наполняла сила, в особенности, когда он работал. Это впечатление силы возникало не от способности таскать много тяжелых предметов, а скорей от иного типа юношеской подвижности.

Прошло около двадцати минут. Вэнь Циньин закрыл стеклянную дверь и, вымыв руки, уселся напротив Тао Лина. Увидев, что тот не собирается с ним взаимодействовать, он достал с полки из-под стола стопку маленьких карточек и начал писать на них иероглифы.

Понаблюдав за ним некоторое время, Тао Лин внезапно протянул руку. Он схватил бумагу, на которой лежала рука Вэнь Циньина, за угол.

Бумагу вытянули из-под руки, ее поверхность скользнула по коже, оставив ощущение внезапного холода на мизинце. Вэнь Циньин посмотрел, какое выражение лица было у Тао Лина. Затем достал авторучку и протянул ему.

«Вы делаете поздравительные открытки для своих покупателей?» – написал на бумаге Тао Лин.

Он пододвинул бумагу вперед. Вэнь Циньин оставил рядом новую строчку: «Верно, мистер. Если надо, их можно прикладывать к букетам цветов. Я могу поменять открытки на чистые, если клиенты недовольны тем, как они выглядят».

Иероглифы Тао Лина были тонкими и выглядели хорошо. Однако у него была привычка писать очень небрежно, в то время как почерк Вэнь Циньина был чуть более стильным и гораздо более аккуратным. Когда две линии иероглифов выстроились вместе, Тао Лин подумал, что это выглядит весьма художественно.

Так же, как дикий луг и поле маргариток, растущих вместе.

Вэнь Циньин был цветком, а Тао Лин – собачьим хвостом.

Какое дрянное сравнение, подумал Тао Лин, массируя переносицу.

Он полагал, что возможно, из-за того, что Вэнь Циньин прежде никогда не говорил вслух, в письменном общении тот вел себя несколько формально. Хотя это совсем не раздражало.

Этот стиль идеально сочетался с его безмолвием. Будто бы он был тем, кто всегда живет внутри своих посланий.

«Почему вы открыли цветочный магазин?» – написал Тао Лин.

Вэнь Циньин наклонил голову и посмотрел на гортензию, стоявшую на столе. В конце концов он написал: «Моя мама говорила мне, что раньше она была флористом и очень хотела открыть еще один цветочный магазин».

Тао Лин вспомнил тот вечер, когда он столкнулся с Вэнь Циньином, отправившись на кладбище, украдкой взглянул на его лицо, и заметив, что на нем не написано ничего плохого, дважды подумал, прежде чем спросить:

- Вы устали?

«Да, мне приходится каждый день вставать очень рано, – очень откровенно ответил Вэнь Циньин. – Пополнять запасы товара очень хлопотно, да и руки у меня неуклюжие – до сих пор есть проблемы с упаковкой и украшением цветов. Но я все равно очень доволен своей работой. Мистер, вы – учитель из Шэн-Да?»

«Да, но пока занимаюсь только административной работой, поэтому провожу занятия только изредка».

«Можно мне посещать ваши занятия, когда мистер начнет преподавать?»

«Конечно, но...»

«Многие вещи не обязательно слушать ушами. Я все равно могу посмотреть, как вы учите, в лекционном зале».

В этих словах на самом деле не было ничего плохого, но Тао Лин чувствовал по этому поводу некоторую беспомощность. Лекционный зал – это место, где больше всего в ходу уши и голосовые связки, ведь они создают множество вещей, которые ценятся гораздо больше, когда встречаются друг с другом. Однако потому, что Тао Лин не хотел игнорировать желание Вэнь Циньина, он написал в ответ: «Хорошо».

«А что мистер преподает? Я могу заранее наверстать пропущенные уроки».

«Я – выпускник факультета религиоведения, поэтому преподаю даосизм».

Получив ответ, Вэнь Цинъин несколько раз моргнул. Глаза у него были ясными, хотя на лице виднелся след уныния. Он продолжил писать: «Может ли изучение религии помочь нам пережить потерю любимого человека?»

Иероглифы были крупными, лишнего места из-за них не оставалось. Когда их разговор дошел до этой точки, лист бумаги формата А4 был заполнен почти целиком.

Тао Лин протянул левую руку и прижал край бумаги. Последнюю фразу он перечитал несколько раз. Рука, которой он держал ручку, медленно напряглась, из-за чего суставы выделились и стали голубовато-белого цвета. Он не стал ничего писать в ответ, но, не отрывая взгляда от бумаги, сказал:

- Нет, я не верю, что это возможно.

На самом деле опьянение еще не ушло, из-за чего у Тао Лина никак не переставала кружиться голова.

Через некоторое время он надел на ручку колпачок, слегка отодвинул ее от себя вместе с бумагой и развернул конфету, которую ему дал Вэнь Цинъин.

Она была со вкусом лимона. Тао Лин посмотрел на конфетную обертку и кончиками пальцев сложил ее в несколько раз. Вэнь Цинъин на мгновение замер, а потом снова начал рисовать на открытках.

Рисовал он цветы и растения. Несколько коротких штрихов - и на бумаге живо расцветали все виды бутонов.

К тому времени, когда Тао Лин подумал, что пора прощаться, уже наступила полночь. Увидев, сколько времени, он был потрясен. Ведь Тао Лин точно помнил, что сел на стул не так уж и давно.

«Я ухожу. Простите за то, что потратил ваше время» - он напечатал это на телефоне, подождал, когда Вэнь Цинъин закончит читать, и сразу же после этого встал.

Вэнь Цинъин улыбнулся и встал вместе с ним.

Когда они подошли к двери, Тао Лин осознал, что тот тоже уходит, поэтому подождал на углу.

Подставки для цветов - в виде лестницы - все еще стояли снаружи, показывая, что это за магазин, даже после того, как он закрывался. Вэнь Цинъин подошел к Тао Лину и вручил ему тот самый букет маргариток, завернутый в крафтовую бумагу.

- Какая трата, - сказал Тао Лин.

После того, как они некоторое время шли по улице бок о бок, Тао Лин спросил, подойдя к концу улицы:

- В каком направлении вы идете?

Он наклонил голову и взглянул на Вэнь Циньина. Тот смотрел прямо перед собой.

Только тогда Тао Лин вспомнил, что тот не может слышать, но так как он слишком устал, и не хотел вытаскивать телефон, то просто ткнул Вэнь Циньина пальцем и указал в направлении, куда ему надо было идти.

Вэнь Циньин улыбнулся, указывая в том же направлении.

Они свернули на чуть более тихую улицу, и через десять минут Тао Лин остановился.

Это был старый район; уличные фонари светили тусклым желтым светом. Вэнь Циньин окинул быстрым взглядом окрестности. Он указал на перекресток впереди и помахал Тао Лину.

Прежде, чем Тао Лин смог как-то ответить, перед его глазами оказалась только удаляющаяся спина Вэнь Циньина. Рядом находился короткий пешеходный переход и Вэнь Циньин уже по нему шел.

Ночью было холодно. Лист дерева утун, прилетевший откуда-то, закрутился и ударился о плечо Тао Лина. Когда лист почти уже упал, Тао Лин поднял руку и схватил его.

Его руки вовсе не были неуклюжими.

Тао Лин смотрел на медленно удаляющийся силуэт, а затем повернулся и провел по электронному замку своей картой, чтобы попасть в жилой комплекс.

Войдя в квартиру, Тао Лин бросил все, что было у него в руках, кроме букета маргариток. Он хотел найти стеклянную вазу как можно быстрее. Свободной рукой он расстегнул воротник и полетел в кладовку. Открыв дверцу шкафа, он отложил букет в сторону и небрежно оглянулся по сторонам.

Через две секунды он снова взял букет в руки.

Из-за непрозрачной крафтовой бумаги он не заметил, что между стеблями цветов, посередине, была вставлена маленькая поздравительная открытка.

<http://bllate.org/book/13907/1225700>